

Ю. М. Плюснин

Соловецкое изолированное общество: взгляд из 1995 года

Плюснин Юрий Михайлович — доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики. Адрес: Москва, Мясницкая улица, 20. **E-mail:** jplusnin@hse.ru.

Аннотация: Статья содержит два плана — методологический и аналитический — и состоит из двух частей — полевого дневника и эмпирического описания социально-экономической ситуации, сложившейся в изолированном северном сообществе в середине 1990-х годов. На то время это было первое социологическое описание Соловецкого местного общества, которое носило разведывательный, пилотный характер. Целый ряд выявленных проблем местного общества продолжают оставаться нерешёнными и спустя треть века. Авторские прогнозы экономического развития Соловков оказались в основном неверными. Напротив, социально-политические прогнозы совершенно исполнились. **Ключевые слова:** Соловецкий архипелаг; Соловки; посёлок Соловецкий; 1990-е годы; местное общество; изолированное сообщество; сельская социология; методология социологического исследования.

Для цитирования: Плюснин Ю. М. Соловецкое изолированное общество: взгляд из 1995 года // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 59–103.

Нижеследующий текст написан почти 30 лет назад. Это было самое первое социологическое исследование обитателей Соловков и самое трудное время в их жизни. За неполные пять лет население Соловецкого посёлка сократилось более чем на треть, а к концу 1990-х здесь осталась только четверть жителей; всё население сконцентрировалось в единственном посёлке — Соловецком. Исследование моё было ориентировочным, пилотным, с умыслом более детального наблюдения в дальнейшем. Поэтому я постарался охватить максимально широкий круг проблем, имевшихся в то время на Соловках. Многие из проблем остались и до нынешних времён. Невольно я делал и кое-какие прогнозы на будущее (мы все в те годы жили будущим). На удивление, некоторые из моих прогнозов сбылись, хотя это и не значит, что я рад этому.

Текст аналитической записки я готовил для администрации Архангельской области, а одновременно передал её и в Московское подворье Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря. Реакция тех и других меня несколько смутила. Правивший тогда наместник выказал откровенное и полное равнодушие, дав понять, что эти проблемы их не занимают. В администрации записку приняли, реакции никакой не выразили, но спустя 3–4 года я узнал, что текст использовали для получения немалого финансирования в виде гранта на поддержку населения Соловков. Правда, до самого населения поддержка не дошла. В конечном счёте я опубликовал текст в качестве приложения к моей монографии «Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001», изданной в 2003 году в Новосибирском государственном университете. Публикуемый текст сокращён более чем наполовину, поскольку некоторые вопросы нынче кажутся уже неактуальными (например, психологическое состояние людей или уровень скрытой социальной напряжённости), другие — слишком частными и потому неинтересными.

В качестве предуведомления к записке я решил опубликовать мой дневник (тоже сокращённый), относящийся к тому времени; кажется, что текст его достаточно раскрывает внешние обстоятельства работы и позволяет со стороны взглянуть на её выполнение. Текст предисловия был написан позже, в середине 2000-х и предназначался для так и не опубликованной статьи о Соловецких насельниках.

Предисловие

В начале июня 1995-го года я приехал в Москву на очередную конференцию и как обычно остановился в гостинице «Наследие», в Институте культурного и природного наследия РАН, здание которого располагается у ВДНХ. Нередко, не имея денег (обычное дело в те годы), благоволением дирекции института пускался на постой бесплатно. Зашедши, как всегда, в отдел к проф. П. В. Боярскому, в Морскую арктическую комплексную экспедицию, в состав которой был тогда зачислен вне штата, я был представлен Петру Владимировичу и Вячеславу Павловичу Столяровым, последний являлся руководителем Соловецкой экспедиции. Долгие годы с начала 1990-х и потом в 2000-х его экспедиция занималась поиском и архивацией культурных ценностей на островах Соловецкого архипелага¹.

Завязался разговор о делах и финансировании научных исследований, в те годы болезненный. Поскольку я уже имел неоднократный опыт получения грантов на экспедиции, стали обсуждать вопрос о гранте на следующий год, чтобы провести экспедицию дней на 20 в августе 1996-го. Вячеслав Павлович стал сетовать, что вот-де, всякие исследования ведутся на Соловках, только людей-то никто и не изучает, будто и нет на Соловках жителей. И предложил мне как-нибудь съездить и провести первое такое исследование в посёлке Соловецком. К его удивлению, я тотчас согласился, сказавши, что поеду в этом же году. Я загорелся съездить и посмотреть перед тем, как готовить заявку, и, может быть, успеть и какие-то наблюдения провести.

Причин для такого скорого решения было несколько. Главная — до тех пор я не бывал на Соловках, хотя уже более 20-ти лет проводил исследования на Белом море и всякий год мечтал поехать на острова. Но в советские годы заезд туда был сильно ограничен, а в начале 1990-х не до того было, средств на жизнь не хватало. Во-вторых, я сразу после конференции уходил в отпуск и не имел определённых планов. В-третьих, что важнее всего, оргкомитет конференции в германском Трире обещал хорошие подъёмные, целых 900 марок, что составляло 10-месячную зарплату сэнэеса в Академии наук. Так появлялись свободные средства на экспедицию, имелось свободное время, и я решил, что нынче непременно буду на Соловках.

Была и ещё одна причина, потаённая. Все эти трудные годы был я занят, как многие, нелёгким поиском денег и вкалывал на нескольких

¹ Заместитель директора Института Наследия П. В. Боярский скончался в декабре 2022 года. В. П. Столяров в нынешнее время свободный пенсионер, а весь летний сезон служит волонтером-смотрителем на знаменитом Большом Заяцком острове Соловецкого архипелага.

работах. И вдруг потянуло меня помечтать: решил побродить под парусом по Белому морю. Мечта была абсурдной: ни средств, ни времени. И тем сильнее желание её осуществить. Придумал план: организовать экспедицию на Белое море и даже решил написать заявку в фонд на проведение исследования способов жизнеобеспечения сельского населения в кризисных условиях. В надежде, что если сыщу заранее транспорт, парусное судно, да получу на Соловках предварительный материал, то до конца сентября успею подать заявку в РГНФ² и, возможно, грант получу. Успешный опыт такой работы в 1993–95 годах уже был, и расчёт на грант в 1996 году был реальным.

Я надеялся, что порыскав по беломорским берегам, смогу отыскать людей с лодкой и нанять их в будущую экспедицию. Потому в планах было не только поехать на Соловки, но и объехать предварительно городки и сёла, с тем чтобы на следующий год начать исследования в уже известных условиях. А сама работа на Соловках давала бы мне материал для разработки методов, соответствующих местности, людям и условиям.

Как впоследствии оказалось, в результате поисков я нашёл единственного в те годы на Белом море яхтсмена-любителя, своими руками изготовившего парусную яхту. Притом и единственного, готового идти куда угодно. Это был Василий Дмитриев, монтёр из Сумского Посада с его швертботом «Антур»³. И грант РГНФ получил на 1996 год. Так что экспедиция этого года явилась первой, открывшей серию семи полевых сезонов на Белом море.

Поездку я запланировал сразу после возвращения из Германии, в начале сентября. Правда, это время на Белом море бывает неудачным по погоде, но я легкомысленно решил, что как-нибудь да прорвусь на острова.

Вячеслав Павлович тотчас снабдил меня адресами и явками на Соловках, как оказалось, полезными на долгие годы. Благодаря ему я познакомился на острове с людьми, с которыми сразу сдружился, до сих пор поддерживаю связь с ними и, надеюсь, что и в будущем дружба наша не прервётся⁴.

² Российский гуманитарный научный фонд, созданный проф. Е. В. Семёновым в 1994 году и более десятилетия поддерживавший и развивавший отечественную гуманитарную науку, ныне растворённый в составе РНФ.

³ Василий Дмитриев с тех пор увлёкся катанием туристов и стал самым популярным среди них капитаном парусника; недешёвая аренда его шхуны расписана на год вперёд, ну а «Антур» стоит памятником на постаменте пристани в Чупе.

⁴ К сожалению, некоторые из этих близких людей ушли — Пётр Михайлович Леонов умер во время ковида в 2021 году, писатель Мариуш Вильк ещё раньше покинул Соловки и живёт на Онеге.

Мы обсудили научный план поездки, прикинули, что и каким образом можно сделать, выйдя с исследовательской точки зрения в «чистое поле», где, по рассказу В. П. Столярова, сложилась непростая ситуация вследствие конфликтных отношений между тремя властями на островах: гражданской, церковной и музейной. Я принял решение, что проведу разведочное («пилотное») исследование, используя наблюдение и свободное интервью, не фокусированное на специальных проблемах. Сами проблемы ещё должны были быть выяснены. В качестве же прикрытия подготовлю социологическую анкету, с которой и стану расхаживать по посёлку. За два дня после этого разговора я написал на 7 страницах программу исследований под названием «Социально-психологические факторы жизнедеятельности изолированного сообщества в экологически-экстремальных условиях Арктики». Получился удачный, лёгкий текст. На основе программы подготовил методические материалы: составил «Анкету эксперта», «Паспорт посёлка», комплект психологических тестов, которыми я в те годы активно пользовался. В конце августа я ездил в Трир на конференцию Европейской психологической ассоциации и, вернувшись к первым числам сентября в Москву, не заезжая в Новосибирск, отправился на Соловки.

Полевой дневник экспедиции 1995 года

Участники и средства: Юрий Плюснин, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, в единственном числе и за свой собственный кошт.

Маршрут экспедиции (1 сентября — 18 сентября): Москва — г. Беломорск — посёлок Водников — г. Кандалакша — остров Ряжков — г. Кандалакша — г. Беломорск — посёлок Водников — г. Кемь — посёлок Рабочеостровск — посёлок Соловки — г. Беломорск — Санкт-Петербург — Москва — Новосибирск.

1 сент. Пт. Трир — Франкфурт — Москва

Прилетел из Франкфурта в Москву утром. Из Трира до Франкфурта добирался автостопом полдня, с пяти утра до часов четырёх дня. Весь вечер гулял по городу, подустал, прикладывался на центральной площади на лавочках. Кормился булочками и водой. Ночевал же на лавке в центральном парке среди весёлых арабов и африканцев. Спальник

всегда со мной, сплю с комфортом, не то, что мои солавочники, те мерзли всю ночь в лёгких рубашках и глядели на меня с преобладающей завистью.

Всё же за день променада по городу притомился, на скамье не выспался, и решил вернуться на родину на день раньше запланированного срока. Приехал утром электричкой в аэропорт, сдал билет на завтра и сразу вылетел. Надоела Германия за неделю.

Поместился в гостинице «Наследие», опять в директорский номер, опять бесплатно. Благодаря Боярскому имею бесплатный ночлег. Нынче, правда, у меня карманы полны денег, европейская помощь бедным русским учёным, но предложили бесплатно, и не отказался.

С утра и до обеда успел выполнить всю программу научных контактов. По пути в гостиницу купил на Ленинградском вокзале билет на завтрашний ночной поезд в Беломорск.

2 сент. Сб. Москва — Мурманский поезд

Спал долго, до полудня, дел нет. Повидался с В. П. Столяровым. Получил от него последние явки и инструкции по Соловкам. Далеко за полдень отправился по родственникам. В гостинице на ВДНХ появился в полночь, скоренько собрался и в 0.15 вышел к метро, на Ленинградском вокзале был за 5 мин. до отправления мурманского поезда.

3 сент. Вс. Мурманский поезд

Сижу в поезде №15 на Мурманск. Попал в купе с мужиками-инженерами из Зеленограда. Ехали на охоту. Веселые и деловые мужики. Поэтому сутки до Беломорска прошли не столь скучно, как обычно.

4 сент. Пн. Беломорск (Сорока) — Кандалакша

В 2 часа ночи я в Беломорске. Старое, куда как более приятное имя у города — Сорока. Крохотный деревянный старый вокзал. За четверть века, что здесь езжу, он, кажется, ни разу не ремонтировался. Спать не хотелось, а сидеть ночь на вокзале скучно, да и грязно. Спать трудно, в пустом гулком зале мешают стуком двери и гомоном редкие случайные люди. Бодр за сутки отсыпания, до утра не засну. Решил идти пешком до порта — в посёлок Водников. Расписания паромов я не знаю, и никто не знает, известно лишь, что дважды в неделю есть судно на Соловки. Опоздать не хочется.

Темно, краплет мелкий дождь, но не холодно. Сентябрь на севере тёплый месяц. Не торопясь двинулся от вокзала, на ощупь находя до-

рогу. Карты нет, да и плана города никогда не видал. Спросить тоже не у кого. Улицы темны и пусты. Только редкие огни бликуют на мокром ямчатом асфальте.

Прошел два моста через реку, долго шёл по улицам, редко застроенным частными домами и бараками. Незаметно вышел за город и двигался лугами, всё время ощущая близость моря запахом прокисших водорослей.

Дорога составила более 2-х часов, было явно больше 10 км. Рюкзак, сшитый самим 2 года назад из технического парашюта, велик, но не тяжёл, веса в нём всего около пуда будет. Еды почти нет. Минимум носильных вещей, рассчитанных на осень Заполярья. Самошитые из того же парашюта лёгкая палатка в 900 г и такой же лёгкий спальник в два слоя синтепона. Всегдашний солдатский котелок с заначками (чай да кофей), да большой нож, склёпанный из тепловозного клапана (всегда вызывающий изрядный шок у проверяющих в аэропортах, если находят).

Ночной переход под дождём оказался утомителен. Увидел посёлок Водников на другой стороне канала за наплавным железным мостом. Но решил остаток ночи переждать у дороги. На досках пола в сгоревшей будке, бывшей автобусной остановкой, кинул спальник. Мелкий дождь не прекращается, но, укрывшись палаткой, поспал час, до утра.

Развиднелось рано, к 6 часам, но туман и всё кругом белёсо. Дождь почти утих. Собрался, но пить чаю не стал, решил утвердиться с расписанием. Через посёлок прошёл на причал. Никого. Полная тишина. Лег на скамью возле двухэтажного барака и с большой охотой проспал ещё 2 часа.

Наконец к 8 утра на улицах появились редкие люди. Выяснил у мужиков, что судно-то пойдёт на Соловки, но хорошо, если только завтра утром. Море штормит, осенью это надолго, никто и не думает о выходе в море.

Сразу принял решение искать другие возможности достичь Соловков. Ждать сутки, тем более под дождём, показалось противным. Тотчас рейсовым автобусом вернулся на вокзал, купил билет, через полчаса сел в поезд и ехал в Кандалакшу. Предположил, что в Кандалакше или в Умбе смогу найти каких-нибудь авантюристов, готовых идти на Соловки. Это было наивным решением.

Все девять часов дороги до Кандалакши проспал. Приехал в управление заповедника на Нижней Кандалакше, но к тому времени как раз все ушли. Отправился в гости к Александру Корякину, заместителю директора заповедника по науке. Их с Еленой Шутовой дом на церковной площади, всего в сотне шагов от управления. Они мои коллеги по студенческой практике в заповеднике 1970-х, потому друзья. Александр Сергеевич поместил меня в «студенческие номера», выдав ключ от квартиры-гостиницы, где всегда располагаются

приезжающие в заповедник студенты и редкие научные экспедиции. Двухквартирный барак из бруса, давно гнилой.

Расположился на широких деревянных нарах с комковатыми матрацами. Один в «номерах», привольно, спокойно. Принёс воды, но печь топить не стал, ещё время гулять. Позвонил моему студенческому руководителю В. В. Бианки, поприветствовать, он тут же пригласил в гости. Переодевшись, поехал. Ужинали да говорили. Витальич вспоминал прежний заповедник, как было всё в 50-е годы, когда он сам был студентом. Вместе вспоминали полевые сезоны 1970-х годов и слушали магнитофонные записи наших песенок. Допоздна засиделись, до полуночи. Такие встречи хороши и грустны. С Витальичем 21 год знакомы, теперь он уж не учитель, а старший друг⁵.

Лёгким бегом по пустым улицам под мелким дождём вернулся в заповедный барак-гостиницу. Азарт не прошёл, и собрался было идти ночью в темноте к лабиринту, но решив чуток полежать, всё же заснул, несмотря на предшествующий сон в поезде.

5 сент. Вт. Кандалакша

В поисках судна для будущей экспедиции поехал на встречу с Аликом Искендеровым (Адилем Халиловичем) из клуба «Гандвик». Он один из основателей клуба, созданного ещё в начале 1970-х. Обсуждали с ним возможность аренды судна. Но это оказалось слишком дорого: 50 тысяч рублей за час, т. е. 6–7 тыс. долларов за месяц. Много дешевле было бы купить судно, а потом продать его здесь же. Но купить нечего, а продать будет некому, никто теперь не купит. Стоит съездить в Умбу — там больше возможностей для аренды, т. к. много безработных.

Однако в Умбу не поехал, хотя и имелось у меня тогда ни на чём не основанное предположение, что из Умбы обычным делом является бывать морем на Соловках. В XIX веке так и было, но в конце XX-го даже моторных лодок вдоль берегов не встречалось, бензин был дорог. И морское пассажирское сообщение совершенно нарушилось. Но в Умбе, мне рассказывали, жили два парня, которые имели в собственности большой катер, на нём нанимались в морской извоз. Не смог их найти.

Остался в Кандалакше и нечаянно стал участником VI-й конференции по проекту «Белое море», которая проходит в заповеднике. Преимущественно гидрологи проводят. Решив остаться на конференции, заодно съездить на остров Ряжков, на котором расположена научная база заповедника и куда все участники конференции приглашены на экскурсию.

⁵ Виталий Витальевич Бианки, учёный-орнитолог, доктор биологических наук, в возрасте 95 лет умер в 2021 году и похоронен в Кандалакше.

6 сент. Ср. Кандалакша

День провёл на конференции. Впустую. Все заглавные доклады — самим их авторам было скучно докладывать. Единственный запоминающийся доклад Сержа Сергиевского про мидий; ну так Серж — один из лучших у нас в стране учёных-биологов. С Сержем поболтали по старой студенческой памяти, два сезона были вместе на Ряжкове. Сейчас он, помимо биологии, добывает средства на прокорм семьи антиквариатом, он всегда увлекался такими вещичками.

Во второй половине дня администрация предложила вдруг о помощи. У них в заповеднике появились шведы — школьники и учитель из небольшого городка на границе с Финляндией — и их нужно было возить и показывать острова. Туман и конференция этому мешали. А деньги за экскурсию, видно, получили, и шведы эти претензии выказали заповеднику. Нужно было что-то придумать. Спросили меня. Я предложил им съездить и поглядеть знаменитый лабиринт, это близко и туман не мешает. За идею ухватились и попросили меня же и гидом быть при шведах. Я не отказался, поскольку из-за тумана поездка на Ряжков всё равно откладывалась, а скучать на докладах стало невозможно.

Отправились на стареньком заповедном МРБ «Чистик» [малый рыболовный баркас], ещё студентом я ходил на нём. Часа за два сходили. Лабиринт расположен на мысе Питкуль в трёх верстах от Кандалакши по северному берегу. Как заправский экскурсовод и «лабиринтолог», я всю дорогу на судне рассказывал им о лабиринтах, их загадках, разгадках и конструктивных особенностях лабиринтов у нас и в Швеции.

Переправлялись с судна на берег лодкой, шёл прилив и судну к каменистому берегу было не пристать. Но и лодка среди камней застревала. Выступил в роли лодочника и даже переносчика женщин. Пришлось ходить по пояс в воде — камни мешали причалить. Носил трёх женщин удачно, четвертая стала брыкаться и получил от неё по зубам. Оказалась не женщиной, а молодым парнем. Пёстро одетым. Лабиринт рассмотрели, разочаровались и скоро попросились назад. Я же был разочарован краткостью поездки.

По возвращении увидел, что Люда Москвичёва, ботаник заповедника, собирается выходить в море, готовиться к приёму гостей на острове. Взят ею был в лодку и попытались выйти на Ряжков. Сразу за мысом мотор задымился — крыльчатка полетела — и мы на вёслах вернулись к причалу. Значит, остров пока не пускает. Ночевать пришлось в том же «общезитии».

7 сент. Чт. Кандалакша — остров Ряжков

С утра, в 8 часов, собрались на Ряжков тем же судном МРБ «Чистик». Ждали до полудня, общались, ругались, но благополучно пошли. Погоды нет хорошей. Туманы предыдущих дней сменились дождём и ветром, северо-восток, холод. На палубе противно, мокрит и сдувает. Все стеснились в кубрике в трюме, там жарко, многих подташнивает.

На Ряжкове тишина и пусто. Сентябрь всё же. Желтый студенческий дом наполнен духами. Оглядел его стены: мои картинки все висят на прежних местах. Скульптуры мои деревянные стоят, но уже молодыми соснами поросли, и не видать их. Всё это делал, рисовал, вырубал еще в 1975 и 1978 годах. Грустно одному среди предметов, напоминающих весёлые студенческие дни. Дни исчезли и года прошли.

Осмотрев весь дом, пошёл на пик Страстей, название которого придумано мною. Его скалистая вершина на 70 метров поднимается над островом. Обошёл пик, полазил по каменным стенам и в щелях среди камней — длинную изломанную трещину меж гранитных кубов глубиной 3–4 метра когда-то назвал Калибром — здесь калибровал студенток, тех, кто сможет пролезть углами-изгибами по щели. По северному склону спустился в лес, вышел на берег в бухту, к сейдам (выдуманным моим другом и мною и теперь уже безусловно принимаемым всеми за истинные сейды). Дошел до бухты Большой Песчанки и поднялся по крутому гранитному склону к Полю Больших Валунов и к своему лабиринту на его пологой стороне. Лабиринт свой начал строить с 1991 года. Его, видимо, пока не нашли. Поднёс десяток валунов весом по 2–3 пуда. Не хотелось уходить, но пора было возвращаться в лагерь и топить баню для гостей профессор-докторов.

Вернулся к Южной губе, забрёл к Людмиле Москвичёвой в её половину «научного белого дома». Она приготовила грибовницу, поел жареных грибов с полным удовольствием и отправился топить баню — исполнять обычную свою на острове вахту истопника-банщика. Часа три баня топилась, но жару так и не набрала. Дырявые стены, да и ветер с моря дует прямо в парилку с угла. Пришлось только мыться, не парились. Хотя веник тайком всё же наломал в заповедном лесу, собирая по веточке с берёзки. Ночевал в студенческом «Жёлтом доме», в комнатке, прозванной нами «Гадюшник», один и при свечах.

8 сент. Пт. о-в Ряжков — Кандалакша

Отправился с утра на свой лабиринт и, вспоминая план его, таскал камни уже на третий круг. Как это ни странно, но валуны эти были уже значительно более тяжелые, чем те, что я перекачивал и подносил 4 года назад. Правда, и прежде положенные валуны поболе

обычных на лабиринтах камней, которые там величиною с голову. Мои — размером с барашка. Накатавши камней 15–20 весом по 150–200 кг, устал. Работа нелёгкая, ходить приходится за 30–50 метров, так что около двух вёрст натаскался, перекатывая камешки.

К причалу пришвартовалось судно с участниками конференции. Пришлось возвращаться на базу. В Жёлтом доме стараниями Людмилы Москвичёвой накрыты столы, и сидят человек 20 — все доктора, профессора да академики, бугры биологической науки. Присоединился к выпивке и налёг на еду, несколько последних дней ел худо. Знакомства шапочные и необязательные — все знают, что знакомы только до вечера. Уже к 7 часам вечера уезжать. С судна простились с Виталичем и его женской научной бригадой. Они стояли на бонах и махали нам — как прежде, как 20 лет назад. В Кандалакшу пришли около 21 ч. и я, думая идти на вокзал, пошёл пешком. Едва прибыл и купил билет, как через 1 минуту подошёл тот единственный за сутки поезд, который нужен был мне. Эта удача, но как потом оказалось, была очень сомнительной. Забрался на верхнюю полку и тут проспал до Беломорска.

9 сент. Сб. Беломорск — Кемь, Рабочеостровск

В 7 ч. утра в Беломорске. Местным автобусом, после часового ожидания, приезжаю к 8.30 на причал в пос. Водников и узнаю, что судно не идёт на Соловки и сегодня, — нет туристов, да и шторм. Впрочем, оно не ходило и всю предыдущую неделю из-за тумана и шторма. Вернулся на вокзал тем же самым автобусом, поспал на вокзальной скамье до 13 ч, перед самым приходом поезда купил билет и вернулся в Кемь. Час езды от Беломорска.

Из Кеми, опять после долгого ожидания автобуса — нигде нет расписания — приехал на причал в Рабочеостровск и нашёл здесь судно монастырское «Печак», бывший военный катер, недавно переданный моряками в дар монастырю⁶. Судно пойдёт на Соловки при первой возможности, чуть стихнет шторм. Загружено под завязку ящиками водки и пива, а этот стратегический груз срочно ждут на острове. Поэтому ходить далеко от причала нельзя. В любой момент отвалит. На корабль пришли и с десятком музейных сотрудников с детьми. Вернулись из отпуска, многие из них москвичи. Все разместились по каютам, в трюме за машиной и на баке. Лежали, гуляли по разбитому деревянному причалу («бирже»). Но в течение всего дня идти было нельзя — штормило до 5–6 баллов. Ждали с 5 ч. вечера до ночи и потом всю ночь. По временам выбирался наружу развести

⁶ Это ошибка: катер принадлежал музею, а не монастырю.

костёр и сварить чаю, да разогреть тушёнки. Ветер, дождь порывами и холодно. Люди легли спать, где кто сумел место занять. Я устроился на полу кубрика под столом, опять расстелив свою палатку и спальник. Никто не мешает, не пинает, только жарковато.

10 сент. Вс. Рабочеостровск — Соловки

Утром ветер не прекратился, но стал слабеть. Ждали ещё до полудня. Купил продуктов в дорогу в местном магазинчике, ожидая, что на Соловках теперь всё дорого. Днём костерок для чаю запаливал в затишке меж брёвен причала. Унылое ожидание либо в жарком трюме, либо под холодным дождём и ветром, без всякой возможности что-то делать, ни писать, ни читать нельзя.

Наконец, несмотря на волну, часа в 3 дня пошли. Сильные брызги, бросает нас лихо, ветер боковой и для военного минного катера, каким был раньше «Печак», это совсем не по нутру. Многие пассажиры с бледно-зелёными лицами лежали в трюме и на палубах или перегибались за борт. В кубрике сидеть невтерпёж в жару, да при качке. Я стоял на палубе за рубкой вместе с тремя парнями из Витебска, спелеологами-водниками, а по нынешней жизни бизнесменами, пришедшими в водный поход по реке Кеми и решившими посетить Соловки во что бы то ни стало. Разговаривали о разном, смотрели на острова Кузова, встречали луды Топы.

Ожидал появления Кремля. Наконец в тумане брызг, в измороси, он появился перед нами. Зрелище прелестное, душевное. Особенно когда это видишь в первый раз. Впечатление, правда, тут же, едва мы подошли ближе и ступили на причал, омрачилось позорным зрелищем убогих домов, сараюшек, заборов, собачьих будок, которые заполнили всё пространство вокруг Кремля. Но потом, позже, уже дня через три, эти сарай и заборы стали неприметным фоном, на который не слишком обращаешь внимание, впечатленный глыбами крепостных стен, башнями, собором.

Потратив всего часа полтора, используя указанные Столяровым связи, сумел поселиться в музейной гостинице, расположенной в Святительском корпусе. Получил келью с видом на крепостную стену и башню. Холодная келья, но провёл в ней все дни мои на Соловках.

Парни из Витебска, по богатству своему поселившись в частной гостинице, пригласили в баню, и я вечером пошёл к ним, присидели до 2 часов ночи, болтая обо всём. Они, по привычке спортсменов, хвастились без меры.

Первую ночь в «гостинице» провёл в полном одиночестве — весь большой двухэтажный Святительский корпус был пуст и тёмн. Ни дежурных, ни охраны. Да и все ворота в монастырских стенах открыты. Можно гулять по монастырю, по стенам и башням всю ночь.

11 сент. Пон. Соловки

С раннего утра включился в работу и начал с администрации, представившись её главе. В администрации, она районная, работает 12 или 16 человек. Глава, бывший мичман на бывшей здесь до 1991 года военно-морской базе. Моряки ушли, его оставили сторожить остров. Ещё 5 лет назад на острове было более 2000 гражданских жителей, теперь осталось 1300. Большинство людей работали при базе вспомогательным хозяйственным персоналом, и для всех них уход моряков — трагедия. Лишились всякой работы. Тем более в такие времена. Сами потянулись с острова, довольно шустро, за пять лет сбежала треть населения.

Начинаю потихоньку разбираться с ситуацией, приглядываться. Весь день беготня по многочисленным здесь учреждениям, от одного администратора к другому. Интервью, раздача экспертных анкет. Оказалось, здесь на удивление много разных государственных учреждений. И в них сотрудников. Предприятие только одно — агаровый заводик. На ладан дышит. Стал вести подсчёты, и они каждый день удивляли всё больше. Местная больница, бывший военный госпиталь: специалистов более двух десятков, а специальностей почти 4 десятка. Милиция: 16 сотрудников — зачем столько на острове, где ни дорог, ни значных мест, ни криминала? Кагал из музейных сотрудников, а туристов нет: за летний сезон побывало меньше полутора тысяч на Соловках (по 15 человек в день — а сотрудников в музее точно больше, хотя подсчитать нельзя, тайна). Так везде. Государственная социальная политика — занять людей от безделья, поместив в учреждения.

До позднего вечера успел опросить с десяток человек. Опрашивал случайно, кого найду, если мог, то сразу договаривался на завтра. Заодно нашёл, где купить молока, — люди пока ещё держат коров — договорился, что буду брать каждый вечер. На печке своего крохотного «нумера» сварил варево из лапши и тушёнки. Лапша не промыта, один липкий ком, в котором жир и немного мяса.

Набегавшись за день, не видал ничего, кроме наружных стен монастыря. Оставляю обзоры монастыря на сладкое.

12 сент. Вт. Соловки

Кроме проведения опросов и раздачи анкет сходил ещё в школу, где договорился с директором о проведении обследования школьников. Директорша, женщина лет 45–50 крепкого сложения. Получил полное внимание и возможность работать. В школе 45 учителей и кочегаров и на них 200 учеников.

Встретился с десятком ещё разного ранга руководителей из музея, поселка и монастыря. Начинаю соображать, что здесь три власти

после ухода моряков. Музей за главного, но теряет силы — иссякли источники — туристы и государственное финансирование. Администрация — как бы новая власть, недавняя, после моряков. Осваивается, расправляется, проблемы поднимает, музейную власть поджимает. Монастырь — совсем новая власть, с 1990-х. Зато дано ему власти сразу много. Только взять не могут. Монахов около 15 человек, но из них лишь один настоятель о. Иосиф деятельный. Он же и организатор монастыря⁷. Поскольку значительных ресурсов ни у одной власти всё же нет, а всё, чем располагают — тут же на острове, на месте, то конфликт трёх властей успел разгореться, и даже случайные здесь люди успевают его разглядеть на другой же день по приезду.

Все дни идут дожди, холод, ветер. Но на любование монастырём остаётся у меня только ночь. Осмотрел надвратную церковь. Брожу по стенам, забрался в Корожскую башню на самый верх. Но сюда надо днём прийти, обзор прекрасный. Выбрав часок на обеде, сходил на берег, на реконструкцию лабиринта на мысу к юго-востоку от посёлка. Когда-то давно тут был выложен лабиринт, монахи не трогали. Но во время войны юнги раскидали — будто бы не хватало камней для обкладки береговых пушек. Поскольку обкладывать пушки камешками размером в кирпич смешно, когда рядом валуны, очевидно, что раскидали лабиринт из озорства — эти же юнги и стены церковью подрывали гранатами, по рассказам музейщиков. В начале 1970-х годов архангельский археолог проф. А. Куратов приехал сюда со студентами и на самом месте прежнего выложил копию лабиринта. Сделали они это всемером за 4 дня — так написано в его статье в «Советской археологии». Удивительно ленивы были его студенты: из трёх-четырёх сотен небольших камней такой командой сложить лабиринт достаточно часа. Здесь в музее работает археолог Александр Мартынов, тоже изучает лабиринты. Но как всякий археолог, ищет он в них могилы, а ничего символического не находит. На соседнем небольшом островке Заяцком ещё акад. Н. Виноградовым, бывшим здесь заключённым СЛОНа, в 1926 году найдены и описаны 28 лабиринтов⁸. Это самое большое в мире скопление таких каменных сооружений. Собрался съездить и посмотреть.

⁷ Тоже ошибка: архимандрит Иосиф являлся управителем монастыря, но не организатором.

⁸ Мой друг археолог проф. В. Н. Петрин, в нескольких экспедициях которого я работал в 90-е годы, подарил мне когда-то книгу Н. Виноградова «Соловецкие лабиринты», изданную на Соловках в 1926 году в типографии УСЛОНа тиражом 50 экз. Раритетная теперь книжка. С ней в руках я не раз бродил по Заяцкому острову в поисках ещё не открытых Виноградовым лабиринтов. Обнаружил три.

Елена Аносова
Инсталляция «Другие пределы»
(2016–2017)

«Есть такое выражение: „пришлые“...»
Опыт художественного изучения изоляции

с. 117–131

13 сент. Ср. Соловки

Проводил тестирование в 1, 3, 9 и 10 классах местной средней школы. Тесты стандартные — матрицы Равена для оценки интеллекта, опросник Кеттела 16-факторный (для старших) и ещё мой тест «Я и мои близкие» для оценки положения человека в среде близких ему людей и определения, кого он считает близкими. По уроку времени ушло на тестирование в каждом классе и полдня заняла эта работа, да ещё весь вечер потрачен на обработку результатов. Почти сто человек. Едва выходил куда-нибудь из своей кельи. Очень напряжённо работал, едва успевая бегать по заранее договорённым местам встреч с разными людьми.

14 сент. Чтв. Соловки

Хождение опять по администрации, да по учителям. К 8.30 должен был идти в школу рассказывать детям о них, но изменились планы в школе. В администрации должен обойти всех руководителей — замов, их трое, да ещё специалисты. В 17 ч. прочёл учителям обещанную лекцию про психологию. В результате пришлось поработать и психотерапевтом: в 19 ч. провел индивидуальную беседу с учительницей, проводил её домой и в качестве гонорара поел грибного супа. Первый раз за неделю поел нормальной еды.

В 20 ч. была договорена встреча с Мишей Вервальдом, экскурсоводом в музее и научным сотрудником, но когда я явился в барак, он мыл в ванне ребёнка. Мешать не стал, договорились, что подойду позже, а основной разговор проведём завтра. Вернулся в келью, поел основательно («гонорара» не хватило желудку), сходил за молоком.

В гостинице, где до того неделю жил один, появились люди. Паломники из Москвы и паломниками из Греции, которые приехали нынче на Соловки и поселились в Святительском корпусе, скрасив мне одиночество. Общался с ними на богослужебные темы и по вопросам истории Соловков, хотя сам ничего толком не знаю.

Позже провёл час у Вервальдова с интервью и чаем, а к ночи двинулся к Петру Михайловичу Леонову и жене его Надежде. Несмотря на 23 ч., они только что пришли из гостей. Жена его верующая. Как, конечно же, и он. Приехали из Москвы в начале 90-х, купили сторевшую квартиру в двухэтажном доме недалеко от монастыря (напротив их дома деревянная старенькая часовня, почти уже развалившаяся; один из соседей приспособил её под свинарник — такие вот нравы соловецких насельников — об этом Пётр и Надежда и рассказали мне как новому человеку, чтоб впечатлялся я разному на Соловках). Просидели за беседой до 3 ч. ночи, смотрели альбомы, я давал всякие интервью, а Петр записывал. Мои наблюдения местной жизни и её заморочек, хотя

они и поверхностны, но свежий взгляд прохожего вытаскивает что-то, чего не видит обыватель замыленным взором. Пётр работает на местной радиостанции и редактором местной газеты⁹. Здесь собралось активное сообщество, в основном люди из Москвы, решившие быть поближе к Богу, да место понравилось, тут и остались. Место действительно прекрасное. Сам захотел быть среди них.

15 сент. Пятн. Соловки

Случилась утром встреча с директором музея на взлётной полосе. Это Александр Мартынов, учёный, археолог. Вчера с ним договорились, до того он отказывался от встреч, только перед отъездом в Архангельск согласился «принять» на аэродроме. Скуп на слова, отчуждён, холоден, даже враждебен — будто боится какой подставы от меня. Разговор получился формальный, по сути, только познакомились.

Там же повстречался и с Мариушем Вильком. Я с ним уже знаком, Пётр Леонов в первый день направил к нему и я явился в дом к Мариушу и Вике на берегу бухты Благополучия, на Сельдяной мыс. Мариуш — польский писатель, наблюдатель потрясений, записывающий их на месте. Один из зачинателей польской «Солидарности» в 80-е годы, он наблюдал в Германии, в Польше, в Чехословакии, а теперь в России развитие революций в «низах» и снизу, из толпы, как это происходит на уровне простых обывателей. Нечаянно поселился на Соловках, полюбил место, остался, купил дом. Но с местными не сошёлся. Перестал публиковаться по-русски, пишет для парижской «Культуры» на польском и французском. Так что его в России и не знают. Зато в Европе знают хорошо. Режим у Мариуша для многих неудобный — встаёт в 4 утра и пишет. В полдень спит, вечером, после пяти часов, готов общаться и пить водку. К 10 часам вечера засыпает. Зато для работы удобно. Живёт он только гонорарами. Его взгляд на местную жизнь — это и взгляд постороннего, и взгляд аналитика-журналиста, и в то же время взгляд местного жителя, здесь он уже 4 года.

В школе днём провёл урок для 9–11 классов по психологии, затем то же для 8 класса. После скоренького обеда из лапши походил по администрации, понаблюдал, порасспрашивал. А к вечеру, когда в учреждениях никого не осталось, и даже в дизель-электростанции не смог отыскать инженера — пятница, отправился погулять в окрестностях посёлка. По дороге от Святого озера в лес пришёл на кирпичный завод, там же тюрьма постройки 1939 года. Посмотрел здание тюрьмы, побродил по камерам. К неудовольствию туристов, тюрьма никогда не

⁹ Возможно, ошибка: П. М. Леонов не был редактором местной газеты.

использовалась по назначению и никак не связана со СЛОНОм. Жаль, что такие хорошие и крепкие помещения уже полста лет как пустуют и разрушаются.

16 сент. Суб. Соловки

Наконец собрался посмотреть монастырь, всё же последний день, а ничего и не видал ещё. Миша Вервальд (экскурсовод в музее, работает год или два, а, верно, самый лучший) предложил походить с ним, примкнув к экскурсантам. К 9 часам я пришел на пристань в гавани Благополучия и экскурсия началась. Длилась она до 1 дня часа, так долго я ещё не слушал и не смотрел, не люблю такие мероприятия. Но здесь было иначе. Очень многое узнал, даже и открыл для себя. Особенно поразила жизнь Фёдора Колычева, митрополита Филиппа. Это жизнь особенная. Наравне нужно знать ее с жизнью Ивана IV и Петра I. Посетил могилу Авраамия Палицина, вдохновителя нижегородского ополчения и защиты Лавры от поляков.

После экскурсии пришёл в келью перекусить, да увидел записку Мариуша, он срочно просил к нему прийти. Пришёл его приятель Василий Дмитриев из Сумского Посада на яхте. Побегал, обедать не стал. Познакомился, рассказал о моих планах экспедиции на следующий год. Василий согласился на мои предложения. Осмотрели яхту. Хороша. Пообедали на ней. Я доволен, что так получилось, значит, мои мечты о прогулке по Белому морю уже на шаг ближе к реализации¹⁰.

Тотчас пошел к Сергею Федюхину, художнику музея, сели с ним в его лодку и отправились на о-в Б. Заяцкий смотреть лабиринты. Здесь на берегу стоит, кроме небольшой деревянной церкви св. Андрея Первозванного, поставленной Петром I в 1702 г., дом, даже уже остаток здания, строенного игуменом Филиппом, — знаменитая соловецкая «гостиница», где все паломники выстаивали несколько дней, перед тем как идти на самый Соловецкий остров. В доме жили в это время археологи и было вполне комфортно, тепло, топились печка, старинная, великолепная. Тут же рядом с домом — разрушенная каменная поварня и гавань на 6 судов, но из-за подъёма суши гавань стала уже почти сухой.

Все три осмотренных ближних лабиринта оказались типичными северными, со входом и выходом, двуспиральные. Камни мелкие, в кулак и в голову размером, в ряды кучами положены, всё заросло и вид в натуре вовсе не тот, что на картинке, которую смотрел в музейной библиотеке. Очень похоже на то, что камни в лабиринты посто-

¹⁰На следующий сезон 1996 г. Василий Дмитриев и Мариуш Вильк составили команду моей второй экспедиции, уже на парусно-моторной шкуне «Антур».

янно подкладывались. Я несколько разочарованно походил по линиям ходов, зарисовал схемы и вскоре мы отчалили.

Вернулись мы с Федюхиным с Заяцкого и пошёл я в баню — посмотреть, что она собою представляет, эта самая старая действующая баня в России. Ставлена была ещё в XVII веке, сводчатые потолки, ширина стен до 2 м. Парно и влажно, жара нет, всё равно что в турецкой бане. Смутные в тумане тела мужиков, блёклые, не распаренные. Не знал бы, так посчитал бы за захудалую баню с плохо устроенной парилкой. Как сказал мне Пётр Леонов (он и посоветовал сходить сюда, окунуться в историю), есть шанс, что баню закроют и здание станет лишь памятником архитектуры. Так что я успел окунуться [теперь эти бани — музейный экспонат и вход по назначению закрыт].

Помывшись и попарившись, сходил в соседний барак за соловецкой селёдкой для родителей и за вечерним молоком. Селёдка хороша — всё же сентябрь, а здешняя селёдка почитается лучшей на Белом море. Вернувшись в келью, где за целый день и не бывал, пообщался с паломниками за чаем, расспросив о впечатлениях. Собрал вещи к 2 часам ночи и приготовился к отъезду.

17 сент. Воскр. Соловки — Беломорск — Санкт-Петербург

В 8 часов утра на деревянном причале под стенами монастыря. Погрузился на «Печак» вместе с археологами, возвращавшимися в Москву. Мы покинули Соловки. Солнце вставало прямо из-за спиной церкви. Было холодно и вокруг солнца — радуга. Облачный туман рассеял свет так, что солнечные лучи преломлялись, проходя завесу кристаллов, и создали круговую радугу и два ложных солнца по краям. Та же картина была в 1991 г. когда я уезжал с Ряжкова — для меня это удачное или счастливое предзнаменование, но с преодолением тягот.

К часу дня пришли в порт Беломорска. Более 2,5 часов ждали машину, чтобы она нас добросила до вокзала. А ходу пешком было 30 мин, но археологи с грузом, я же по незнанию сидел со всеми. Время ушло, приехал на вокзал уже к 17 часам. В Москву ехать поездов нет, и ждать полсуток. Ближайший на Питер. Купил билет до Волховстрое и тут же сел в поезд. Спал всю дорогу на верхней полке.

18 сент. Санкт-Петербург — Москва

Утром в Волховстрое. Вышел на вокзал, но узнав расписание: никаких поездов на Москву, тут же купил билет до Питера и с тем же поездом через 2 часа был на Московском вокзале.

Карта Белого моря с местами исследований 1995–2006

Ниже приводится текст аналитической записки 1995 года. В публикуемый текст добавлены поясняющие сноски, исходно их не было.

1995. Соловки: маленькие люди на паперти истории

Соловки — уникальное место. Они уникальны от истории до ландшафта. Но мало кто знает про то, что они уникальны и своими людьми. Не теми, что руководят, изучают, бывают здесь паломниками или туристами. Они уникальны маленькими людьми, живущими под стенами великой истории и нередко смотрящими на эту историю как на досадные «камушки».

Местное население Соловков, расположившееся вокруг монастыря, необычно тем, что оно типично в отражении образа жизни и духовного склада нашего времени, и в то же самое время оно — случайный

населник архипелага. От этого душевного противостояния, безотчетно ощущаемого всеми, от бичей до руководителей, и от монахов до музейных работников, и происходят, по-видимому, многие проблемы, выступающие на поверхность под видом проблем социально-экономической жизни. Однако можем ли мы остановить свой беглый взгляд постороннего и посмотреть на проблемы — раньше говорили несчастья — здешних простых людей?

Именно такую задачу: посмотреть чуть пристальнее, чем взглядом туриста, на проблемы обыденной жизни населения Соловков я поставил перед собой.

Основные проблемы Соловецкого района

Руководители учреждений посёлка высказывали мнение относительно наиболее острых проблем, сложившихся в настоящее время на Соловках. Среди первоочередных проблем они называют следующие:

1. изоляция поселка и проблема транспортного сообщения;
2. медицинское обслуживание населения;
3. тяжёлое материальное положение населения, низкая зарплата;
4. проблемы снабжения посёлка ГСМ и электроэнергией (проблемы ДЭС — дизельной электростанции);
5. жилищные проблемы;
6. проблемы занятости населения и безработицы;
7. проблемы особенного статуса Соловков, влекущие экономические и социальные трудности.

Перечисленные семь первоочередных проблем, в большинстве своём, совершенно типичны для любого северного посёлка. Их наличие и острота отражают развал существовавшей ранее сложной и разветвлённой инфраструктуры северных населённых пунктов.

Первоочередность транспортной проблемы вызвана резким ростом стоимости проезда, что привело практически к полной изоляции жителей от «материка».

Изоляция Соловков. Миграция населения

Транспорт и связь — это та сфера материального производства, которая в нынешних условиях пострадала сильнее всего и особенно в сельской местности. Соловки в этом смысле скорее даже исключение в худшую сторону, поскольку вся экономика района и инфраструктура посёлка держатся на привозных ресурсах, зависят от связи с внеш-

ним миром. Разрушение транспортных коммуникаций и средств связи затронуло Соловки самым непосредственным образом. Резко сократились авиаперевозки: с 1991 они упали к настоящему времени в 5,3 раза (с 576 до 108 рейсов в год). Столь же значительно сократились и морские перевозки (количественных данных нет).

Внутренние, поселковые транспортные перемещения также получили ощутимый удар, поскольку напряженность с топливом сказалась прежде всего на частоте поездок жителей на материк. Изоляция жителей острова от внешнего мира за последние 3 года возросла многократно. Ведь помимо того, что более чем в 5 раз сократилось количество поездок, ещё значительно возросла их стоимость. Если ранее полёт в Архангельск стоил 10 руб., а в Кемь по морю — 3–5 руб. (наиболее популярные маршруты), при том, что зарплата составляла в среднем 170–200 руб./мес., то теперь авиабилет в Архангельск стоит 200 000 руб. при зарплате в 350 000 руб. Сопоставимые расходы на поездку возросли относительно бюджета в 10–15 раз. Следовательно, если учесть сокращение интенсивности транспортных перевозок и рост их дороговизны, то можно даже численно оценить степень изолированности Соловков: сравнительно с 1991 г. изолированность жителей поселка возросла в денежном выражении в 50–70 раз.

В связи с общим экономическим кризисом и ростом безработицы, а также в силу указанных специфических причин, на острове интенсифицировались миграционные процессы: в последние два-три года происходит интенсивный отток населения. Хотя официальные и объективные данные противоречивы. Например, по справке администрации численность жителей посёлка не сокращается, в то время как по данным «Похозяйственной книги» такое сокращение налицо.

С 1992 по 1994 число хозяйств в посёлке уменьшилось с 540 до 470. За два года из посёлка выбыло до 190 человек. Но общая численность, по официальным данным, осталась неизменной: 1373 человека в 1992 г. и 1376 человек в 1994. Всего же с 1991 по 1995 годы из посёлка уехали 247 человек, составившие 113 семей. В справке администрации указывается, что к лету 1994 г. 72 семьи (113 человек) подали заявления, желая в самое ближайшее время выехать на постоянное жительство в другие районы страны.

Можно полагать, что отток постоянного населения с острова маскируется в статистических отчетах наличием достаточно большой группы сезонных рабочих и лиц, приезжающих на временное жительство. Учитывая, что бюджет поселка на 99% — государственные межбюджетные трансферты, основанные на подушевом финансировании, можно понять, почему эта группа фиксируется в данных по численности населения (как видно, завышена именно численность трудоспособного населения на 100–200 человек в разные годы).

Инфраструктура и жильё

Хотя на сторонний взгляд человека, наблюдавшего много северных русских поселений, Соловецкий посёлок на этом фоне весьма выгодно выделяется, мнение самих жителей прямо противоположно. Они недовольны совершенно всем, более того, полагая, что каждая из составляющих инфраструктуры поселка у «соседей» развита значительно лучше, чем здесь. Другое дело, насколько объективна эта позиция и с чем сравнивается. Если вести сравнение с промышленными городами, особенно с Москвой, то оценки справедливы. Если вести сравнение с окрестными населенными пунктами, даже не с г. Кемью, а с поселениями по ближайшему Летнему берегу, то оценки явно занижены. Следовательно, мы принуждены думать, что управленческая верхушка посёлка ориентируется на стандарты качества жизни более высокие, чем это обычно бывает в российских селах.

В посёлке 66 домов, из которых всего 16 частных. Обеспеченность жильём в расчете на одного жителя возросла, составляет в среднем 22 м² общей площади и 14–15 м² жилой площади. Однако, как по мнению самих жителей, так и экспертов, ощущается нехватка жилья. Достаточно много квартир, хозяева которых уехали, а они не используются. Немало жилья ветхого и аварийного осталось со времён СЛОНа¹¹. Сравнительно со среднероссийскими показателями жилья в сельской местности, высокое качество жилья и обеспеченность им жителей поселка находятся в противоречии с тем, каково мнение об этом у самих жителей. Объяснение приходится вновь искать в изолированном образе жизни района и в сравнительно высокой дезинформированности жителей относительно реального положения дел в стране. Иных объяснений претензий жителей к материальным обстоятельствам своего образа жизни я не могу указать¹².

Хозяйство

К середине 1995 г. в поселке осталось, вероятно, менее 450 хозяйств. В 1992 г. их насчитывалось 540: сокращение числа хозяйств за эти годы составило около 18%, т. е. почти пятая часть хозяйств исчезла. Основная причина этого — миграция, причём значительно уменьшилось число хозяев-одиночек.

¹¹ Соловецких лагерей особого назначения.

¹² Примечание В. П. Столярова: «Жители помнили времена и порядки посёлка городского типа при воинском гарнизоне, это не сельская местность».

Хозяйство не сельского типа, но поселкового. По данным «Похо-зяйственной книги» только 56% домохозяйств имели участки земли для посадки картофеля и под огородами. При этом общая площадь сельскохозяйственных земель в частном пользовании составила всего 6,64 га, или по 123 м² на хозяйство. Ясно, что на таком участке не вырастить ничего, чтобы прокормить семью даже из трёх человек.

Всего на острове в сельскохозяйственном обороте находится около 300 га земель, из них около 240 га сенокосов (ещё в 1969 г. сенокосов было 399 га). Следовательно, жителями посёлка используется всего около 2–3% земли из той, которая могла бы ими использоваться без мелиорации. Причина такого положения неясна. Тем более, что объективно существует очень большая потребность в пахотной земле и сенокосах именно теперь, когда жители поставлены в условия выживания за счёт собственных сил.

Для сравнения надо отметить, что созданные монастырем 1200 га сельскохозяйственных угодий успели за 50–70 лет неиспользования зарости кустарником и лесом, заболотиться. По оценкам специалистов теперь около 1000 га требуют мелиорации.

На острове нет никакого сколь-либо крупного фермерского хозяйства (возникавшие все развалились). Но при наличии таковых, даже имеющих площади было бы достаточно для самообеспечения жителей сельскохозяйственной продукцией животноводства, картофелем и овощами. По оценкам, на нынешние 1400 жителей достаточно 15 га пахотной земли, чтобы обеспечить их картофелем и овощами.

Сейчас на острове менее 30 коров и потребность в молоке далеко не удовлетворена. Но ещё в 1989 в стаде было 107 коров. Достаточно значительные изменения в сторону увеличения поголовья произошли в последние годы только в отношении овец, коз и свиней. Начиная с 1992 г. численность овец и коз возросла в 1,5–2 раза. Сейчас в поселке примерно 140 голов. Столь же резко возростала в последние годы численность свиней. Если в 1988–89 гг. свиней было около 60 голов, то к 1993 поголовье увеличено до 130–150. Но уже к 1995 г. поголовье свиней вновь сократилось и сейчас их в хозяйствах менее 50. Причины таких изменений очевидны. Мелкий скот — важная и быстро воспроизводимая составная хозяйства; в трудных экономических условиях это ощутимая помощь. Но свиней по привычке кормят хлебом, который стал слишком дорог, комбикормов и картофеля не хватает, поэтому жители не смогли держать свиней и резко сократили поголовье.

Таким образом, на островах ещё сохранены условия не только для частного, но и для промышленного сельскохозяйственного производства и они могут быть использованы. Однако жители до сих пор это не сделали. Следовательно, здесь сказывается не только привычка к полугородскому образу жизни и существованию на зарплату.

По-видимому, жители ещё имеют возможность не заниматься натуральным хозяйством, чтобы прокормить себя.

Рыбный промысел не является важной статьёй дохода, поскольку здесь заповедник. Рыбная ловля в больших масштабах является браконьерством, поэтому по самой приблизительной оценке только одна семья из 10 имеет более-менее ощутимый доход от продажи рыбы. Кроме того, и интенсивность туризма уменьшилась на порядок, следовательно, практически на порядок сократились и доходы жителей от этого бизнеса.

То же самое следует, вероятно, сказать и про дикоросы. Хотя ягоды и грибы — важное подспорье, но в денежном отношении они стали приносить существенно меньший доход, нежели это было раньше.

Более 80% квартир в посёлке отапливаются печами, поэтому важной проблемой в хозяйстве остаётся заготовка дров. Дрова — это преимущественно плавник. Но, по оценкам специалистов, на острове не более 2% древесины на дрова находится на месте, остальные 98% необходимо завозить с материка. Завоз же дров — это теперь существенная и разорительная статья расходов для хозяйства. Здесь эта проблема, ставшая общей повсюду в сельской местности, потому часто уже к марту оказывается нечем топить, усугублена ещё и тем, что объём заготовок древесины на дрова как на месте, так и привозной, невелик: в среднем на одно хозяйство приходится всего по 2–3 кубометра дров, а это очень мало при условии, что зимний сезон продолжается 8 месяцев, а отопление необходимо поддерживать круглый год¹³.

Выход из положения в виде привозного топлива в нынешних экономических обстоятельствах далеко не надёжен. Поэтому перед жителями и стоит постоянная угроза голода и холода. И если проблема с самообеспечением пищей ещё может быть решена собственными силами, то проблема с топливом так не может быть решена. Это при том, что вокруг посёлка — лес. Но этот лес — заповедный, и вырубки в нём запрещены.

Противоречие между хозяйственными потребностями населения и заповедным статусом Соловков в настоящее время обострились чрезвычайно. Если раньше заповедность островов давала жителям больше преимуществ, чем неудобств, то теперь, в условиях автономизации социальной и хозяйственной жизни, она выступает исключительно препятствием.

¹³ На Русском Севере реально необходимо заготавливать на зиму 30–40 кубов.

Население

Население Соловков невелико: последние 7 лет здесь постоянно проживают от 1300 до 1500 человек. Численность населения все последние годы снижается и с 1989 г. она уменьшилась на 14%¹⁴.

Социально-экономический и социально-профессиональный состав населения очень пёстрый в силу исторических причин. Значительную группу составляют служащие, первоначально связанные с бывшей воинской частью, младший сержантский и офицерский состав, вышедший в отставку и оставшийся на острове. Эта группа людей — служащие и военные — составляют один социально-культурный слой общины, который сформировался с 1940-х годов.

Другой, также значительный слой, составляют рабочие (в основном бывшие) и их потомки, связанные с агаровым заводом. Это люди наёмные, приехавшие по вербовке или привезённые на остров вместе с заводом при переводе его с Острова Жижгин¹⁵ на о. Соловецкий в 60-е годы. Многие из них остались, не имея возможности уехать. Среди них немало люмпенизированных индивидов. Соответственно, это ещё один особенный социально-культурный слой общины.

Весьма велика доля интеллигенции, работников музея-заповедника. Практически все они — городские жители, не порвавшие своих связей и продолжающие сохранять городской стиль жизни; здесь много учёных и творческих работников. Этот слой отличается от других как по социально-культурным, так и по экономическим признакам: он наиболее бедный. Формироваться он начал с середины 70-х годов, со времени окончательного определения статуса музея. Доля интеллигенции в посёлке очень велика и это накладывает свой облагораживающий отпечаток на весь посёлок.

Монашеское население мужского монастыря, хотя и немногочисленное (15 чел.), образует совершенно особый, практически изолированный слой общины. Но эта группа также является её составной частью, поскольку в своей хозяйственной деятельности постоянно взаимодействует с населением острова и находится в постоянном контакте с работниками музея. Появление монастыря в 1990-м году привело и к новой социальной прослойке из местных, тяготеющей к нему. Причём эту прослойку составляют не только мужчины, но и женщины.

¹⁴ В 1960–70-е годы численность гражданского населения на Соловках составляла около 2000 человек; при этом неизвестна численность военнослужащих, которых также было немало, исходя из означенной численности гражданских.

¹⁵ На Жижгинском острове с 1940-х существовал водорослевый комбинат, перерабатывавший на агар-агар морские водоросли; однако условия проживания людей здесь весьма неблагоприятны даже по условиям Севера.

Наконец, на острове проживает временное население (сейчас, правда, очень незначительное). Они тяготеют либо к музею (реставраторы и художники-энтузиасты), либо к монастырю (паломники), либо к различным сферам обслуживания (есть некоторое количество специалистов, прибывших по контракту). Эта разнородная в глазах остальной части населения группа не составляет особого социального слоя. Раньше, по-видимому, эта часть населения была на острове многочисленнее и имела хозяйственную специфику и определённое культурное влияние.

Таким образом, по социально-профессиональным, общекультурным, историческим характеристикам население Соловков составляет ряд слоёв, разобщённых слишком сильно, чтобы составлять общину. Но это население слишком малочисленно, чтобы представители разных слоёв не находились в повседневном общении друг с другом. И такая противоестественность взаимодействий этих людей образует характерный штрих повседневной жизни посёлка. Здесь нет общины в действительном смысле слова. Здесь, как определила местный журналист и редактор Антонина Мельник, «свалка человеческого материала».

Семья

Проблемы семьи, как и повсюду, сколь остры, столь и скрыты от глаз. Наиболее явные проблемы — алкоголизм и другие формы отклоняющегося поведения взрослых, неполные семьи, делинквентность подростков — широко распространены и, в нынешних обстоятельствах, неразрешимы.

Средний размер семьи (домохозяйства) невелик: число членов семьи составило 2,7 человека (как и в среднем по России). Много одиноких пенсионеров и одиноких людей трудоспособного возраста. Немало и семей с тремя и более детьми (в посёлке таких семей, по оценке, до 10%).

На основании данных, предоставленных директором средней школы А. И. Халовой, можно сделать несколько заключений относительно степени социального благополучия семей, имеющих детей школьного возраста. Таких семей около половины на острове, и это, собственно говоря, его основа (поскольку другие семьи — это пенсионеры и одинокие). До 1/4 всех семей с детьми-школьниками неблагополучны: родители, один или оба, пьют или осуждены. Почти 1/3 — семьи неполные, а 1/4 семей — многодетные. (В некоторых случаях одни и те же семьи являются и неблагополучными, и многодетными, и неполными). Каждая пятая семья — это семья безработных родителей, одного или обоих. Получается, в настоящее время в школе только 1/3 детей живёт в благополучных семьях, остальные 2/3 живут

в неблагоприятных бытовых, психологических, экономических условиях. Это страшные признаки деградации семьи нынешней и неблагоприятный фактор будущего.

Благосостояние, источники и уровень доходов домохозяйств

По мнению большинства респондентов и по оценкам экспертов, а также по результатам анализа «Похозяйственных книг», основным источником доходов населения являлась и продолжает являться зарплата. Традиционно население в силу характера работы и образа жизни не занималось сельскохозяйственной деятельностью, ограничиваясь зарплатой, доходами от туристов и от продаж дикоросов и рыбы. И в настоящее время население продолжает использовать почти исключительно только эти два основных источника дохода, хотя реальная зарплата упала на острове в 17–20 раз по сравнению с 1991 годом.

По оценкам самих жителей, в посёлке быстро происходит поляризация населения по благосостоянию: на фоне нескольких семей с очень высоким уровнем доходов, достигнутым разнообразным путём (таких примерно 2–3%, до десятка семей), преобладающая масса населения — нищая. Средняя зарплата составляет около 350 000 руб. в месяц. Сравнительно с сельским населением, где в массе своей зарплата не достигает и ста тысяч рублей, это уровень высокий. Но образ жизни в посёлке — почти городской: люди не имеют подсобного хозяйства, поэтому не обеспечены в должной мере запасом пищи. Население очень сильно зависит от привозных продуктов питания, а его стоимость вследствие перевозки и изоляции острова выше обычной почти в 1,5 раза. При этом подавляющее большинство живут в муниципальных квартирах, стоимость содержания которых сейчас достигает 150 000 руб. в месяц (цена устанавливается администрацией района и включает стоимость затрат на доставку топлива и пр.). Все эти вместе взятые факторы и являются причинами нищеты населения. И местные эксперты оценивали уровень благосостояния населения посёлка как очень низкий.

Дети

Дети до 15 лет составляют на острове столь же значительную половозрастную когорту, что и старики. По разным оценкам, в 1992–95 доля детей среди всего населения составляла 27–28%. Всего на острове проживало 370–390 детей. В средней школе училось в 1995–96 учебном году 200 человек, в единственный детский сад ходило 50 детей и примерно ещё столько же детей в этом возрасте детский сад не посещало.

В детском саду — чрезмерное количество воспитателей: на каждого приходится по 3–4 ребёнка. Однако многие родители не имеют средств, чтобы платить за детский сад и вынуждены оставлять детей дома, притом немало молодых женщин — безработные. Между тем, руководство детского сада продолжает сохранять рабочие места, исходя более из гуманных соображений по отношению к своим работникам, нежели из экономической целесообразности, требующей приведения численности воспитателей в соответствие с численностью детей. В той мере, в какой функционирование детского сада не зависит от решения основных задач, это и определяет его существование в качестве источника дополнительных рабочих мест.

Высокое для сельской местности качество школьного образования кажется неудовлетворительным для большинства поселковой интеллигенции, поскольку стандартами такового для неё являются столичные школы. Немногие, правда, отдают себе отчёт в том, что материально-финансовое обеспечение школ в том и другом случае несопоставимо. Между тем, то обстоятельство, что на каждых 10 учеников приходится 1 учитель, по-видимому, вполне положительно сказывается на образовательном уровне учеников, их психоэмоциональном статусе и общекультурном развитии.

Молодёжь

Почти все проблемы молодёжи, на которые указали и эксперты и простые жители посёлка, типичны для сельской местности. Некоторую специфику обуславливает изолированность острова, но в нынешних условиях и это обстоятельство не является особым, поскольку отсутствие денежных доходов у сельского населения ставит молодёжь наших сёл в положение такое же, как если бы она пребывала на отдалённом острове. В большинстве сёл и на материке молодёжь не имеет средств не только выехать учиться, но и просто выехать, удовлетворить ту самую насущную потребность в перемене мест, которая в сильнейшей степени и свойственна ей.

Молодые люди не могут найти в посёлке такие заработки, которые позволили бы им выехать на материк, устроиться в другом месте, начать учёбу (если не считать тех ограниченных возможностей, которые предоставляют им родители, богатые — обеспечивая деньгами и квартирами, бедные — сезонными заработками, например, на водосляках, что позволяет уехать и год проучиться в городе).

Поскольку для большинства нет работы в посёлке, нет возможности и уехать из него (тут сказывается и страх островитянина перед шумным и неведомым городом). Нет, наконец, практически никаких условий для проведения досуга (клуб и дискотеки функци-

онируют с большими перебоями), молодые люди вынуждены обратиться к тем немногим развлечениям, которые им остаются: к пьянству и браконьерству. Последнее хоть много полезнее, хотя тоже осуждается и наказуемо.

- Именно этот круг проблем молодёжи и указывают респонденты:
- а) прежде всего незанятость и всё более угрожающий рост безработицы. Безработица опасна для молодёжи даже не сама по себе, но теми двумя коварными обстоятельствами — невозможностью проявить и показать себя человеку, полному сил и желаний и развращающим бездельем, — они постепенно становятся руководящими принципами *modus vivendi* молодого человека и нередко делают его потерянным для общества;
 - б) в равной мере отсутствие возможности продолжать образование после окончания школы, не по причине способностей, но исключительно по экономическим обстоятельствам, угнетающе действует на молодого человека, создаёт условия для бездуховности. Если молодой человек ещё имеет перспективы, хотя и отдаленные, спустя год-два уйти в армию и по окончании службы начать новую жизнь, то девушка после школы поставлена в совершенно безвыходные обстоятельства и только помощь родителей может дать ей хоть какие-то перспективы. Молодые здесь не имеют возможности получить не только высшее или средне-специальное образование, но даже и какую-нибудь рабочую профессию;
 - в) отсутствие культурного досуга и возможностей для духовного и физического развития. Морской клуб для подростков и юношей, начинавший было свою деятельность в поселке, по всей видимости, уже не функционирует¹⁶. Других спортивных клубов, кружков по интересам, насколько известно, нет. Нет и взрослых, которые возложили бы на себя задачу неформального обучения молодых людей;

Молодёжь имеет и проблемы, доставшиеся ей в наследство от детского возраста. Это проблема неполных и неблагополучных семей, которая сохраняет свое значение и для молодёжи, влияя на формирование её стереотипов сексуального и брачного поведения. Прежде всего молодёжь, вышедшая из неполных и неблагополучных семей, склонна к противоправным действиям, к алкоголизации.

Другой весьма актуальной проблемой молодёжи является нехватка жилья. При том сравнительно большом объёме жилого фонда на острове многие молодые семьи не имеют возможности жить отдельно от родителей, завести своё жильё.

¹⁶ Морской клуб — это Соловецкие мореходные классы, созданные в начале 1990-х Сергеем Морозовым, научным сотрудником музея-заповедника; в 1994 он же создал Товарищество Северного Мореходства, которое ныне продолжает его дело в созданном на Соловках в 2012 Морском музее (см.: solovki.info).

Пенсионеры

В посёлке большое количество пенсионеров. В 1992–95 их доля составляла, по разным оценкам, от 20 до 22%, а среди взрослого населения пенсионеры в этот промежуток времени составляли 30%. Отток населения, который начался с 1991–92 годов, привёл к сокращению активного населения, способного найти на материке применение своим силам. Кроме того, большинство пенсионеров уже не может, как раньше, выехать с острова к детям, не имея для этого никаких средств и не имея возможности продать своё жильё.

Уровень жизни пенсионеров ниже, чем у работающего населения. Средняя пенсия составляет чуть более 300 000 руб. Наблюдаемое соотношение доходов пенсионеров и работающего населения соответствует городским стандартам, но совершенно нехарактерно для сельской местности. По большинству основных формальных экономических характеристик посёлок приближается к городу, но современные обстоятельства требуют от населения перехода к натуральному хозяйству, естественному для села. Местное же население в своём большинстве не готово к такому переходу. И особенно это сказывается на пенсионерах, поскольку они имеют очень мало возможностей для дополнительной подработки, не могут обеспечить себя в достаточном количестве продуктами собственного труда.

Пенсионеры вынуждены жить на доход от пенсии, что, естественно, снижает их уровень жизни. Но есть ещё важные негативные обстоятельства: пенсионеры вынуждены отдавать половину своей пенсии на оплату квартиры.

Многие пенсионеры готовы уехать с острова, но в настоящее время это остаётся недостижимым. Только в последний год появилась возможность приватизировать жильё и продавать его. Но к этому времени привлекательность Соловков резко упала и мало кто может продать или поменять свою квартиру даже на вдвое меньшую на материке.

Трудоспособное население. Структура занятости

Численность трудоспособного населения в посёлке из года в год сокращается, причём, по-видимому, быстрее, чем сокращается общая численность. В официальных данных по трудоспособному населению имеется много разногласий, причину которых я могу объяснить только тем, что ежегодно на острова приезжало и всё ещё приезжает много сезонных рабочих, которые и учитывались в составе трудоспособного населения. Иначе трудно объяснить, например, почему в 1992 г. по «Похозяйственной книге» численность этой половозрастной когорты

Елена Аносова
Фото из серии «Атлас первого снега»
(2015 — в процессе)

«Есть такое выражение: „пришлые“...»
Опыт художественного изучения изоляции

с. 117–131

составляет 711 чел., а официально приводимые данные — 991 чел. (превышение на 280 чел.)¹⁷. Сокращение численности трудоспособного населения за последние 4 года составило 38%.

Структура занятости населения в силу очень слабого развития производства крайне специфична и напоминает, с одной стороны, структуру занятости населения курортного местечка, а с другой стороны — административного центра. Это сильно отличает Соловецкий район от всего ближайшего сельского окружения, создаёт, помимо историко-культурной, ещё и социально-профессиональную уникальность.

Если мы примем во внимание, что в поселке сейчас проживает всего около 1300–1400 чел., а среди них чуть больше 600 чел. трудоспособного населения, то нижеследующие расчёты покажутся любопытными:

- а) единственное промышленное предприятие архипелага, агаровый завод, за два года сократил численность кадровых рабочих со 130 человек до 50; с некоторыми допущениями можно сказать, что в промышленности занят только 1 из каждых 10 работников;
- б) поселковое предприятие жилищно-коммунального хозяйства, имея в штате 70 работников (из них 9 человек — аппарат управления), обслуживает менее 70 домов, содержание 3-х поселковых дорог и одно межселенную, водопровод, теплотрассу, котельные, поддерживает санитарное состояние территории (на содержание жилищно-коммунального хозяйства уходит от 40 до 50% бюджета);
- в) в лесхозе работает 18–20 человек (близкая по площади охранная зона в других заповедниках контролируется всего 5–6 инспекторами);
- г) в посёлке имеется 40 человек бухгалтеров (вполне соответствует числу различных бюджетных организаций и учреждений) — по одному на каждые 30–35 жителей (6% всего трудоспособного населения);
- д) в сфере торговли объединены около 40 человек: примерно по одному продавцу на каждые 30–50 жителей;
- е) сфера обслуживания туристов представлена музеем и частными предприятиями. Музей сократил штат экскурсоводов до 1 ставки и экскурсии проводятся не каждый день; частная сфера обслуживания — это три семьи, владеющие гостиницами и предоставляющие туристам очень ограниченный спектр услуг (сфера, которая должна бы развиваться на острове самыми быстрыми темпами, на настоящий момент представлена всего 2–3% трудоспособного населения);
- ж) в сфере образования трудится около 65 человек (по непосредственным подсчётам только в средней школе, где обучается 200 учеников,

¹⁷ Надо иметь в виду, что в «Похозяйственной книге» учитывается постоянное, «прописанное» население, тогда как статистические данные собираются также и по результатам миграционного учёта.

- работает 35 человек, из них 20 учителей: 1 учитель приходится на каждые 10 учеников);
- з) в единственном сейчас в посёлке детском саду содержится около 50 детей. Здесь же персонал количеством 30 (на каждого работника приходится по полтора ребёнка); среди них 14 воспитателей — по одному воспитателю на 3–4 ребёнка;
 - и) районная больница, бывший госпиталь при воинской части, имеет штатное расписание на 31 человека, из которых 8 врачей и 14 медсестер, всего 22 специалиста высшей и средней квалификации — по одному на каждые 60 человек в посёлке. При этом список специальных врачебных услуг включает 22 наименования (многие из них не имеют даже городские поликлиники в крупных городах). В больнице 24 койко-места, которые по штату обслуживают 3 врача и 12 медсестер (при этом, по замечанию многих опрошиваемых, больница пустует, а людей в случае болезни отправляют самолётом за свой счёт в Архангельск);
 - к) районное отделение внутренних дел имеет в штате 15 милиционеров — по одному сотруднику на каждую сотню жителей. Число же правонарушений при этом быстро растёт. В то же время, по воспоминаниям старожилов, во времена сельсовета в посёлке был единственный участковый милиционер, который прекрасно справлялся со всеми проблемами двухтысячного населения;
 - л) аппарат управления района состоит из 19 человек, включая двух заместителей главы администрации (1 управленец приходится на каждые 70 жителей посёлка). В прежние годы обходились одним председателем сельсовета и секретарём.

Самые приблизительные оценки занятых в разных сферах общественного производства показывают, что в сфере промышленности, транспорта, связи, строительства занято не более 15%. В сфере обслуживания (жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание, торговля) занято 20–25%; в сфере просвещения, здравоохранения и культуры (включая и музей-заповедник) — также 20–25%; управленческий аппарат — 3%; правоохранительные органы — 2,5%. На остальные, их около 10-ти, сферы общественного производства приходится примерно 30% трудоспособного населения. При этом частным предпринимательством (туристское обслуживание, торговля, реставрационная фирма) занимается не более 2–3% населения.

Эффективность хозяйственной деятельности. Доходность и убыточность отраслей

Соловки уникальны в том отношении, что здесь практически нет производства. Поступления в бюджет от производства составляют всего 1%. Агаровый завод, единственное промышленное предприятие,

практически развален налогами и транспортными расходами, а также резким истощением промысловой базы (мощные запасы водорослей, до 200 тысяч тонн, располагаются в охранной зоне заповедника и запрещены к использованию). Численность работников завода сократилась за 2 года втрое, да и эти уже не составляют постоянных кадров, поскольку выгоднее нанимать сезонных рабочих на 3 месяца, чем содержать рабочих в течение всего года.

Отраслей народного хозяйства, которые приносили бы какой-либо ощутимый доход, нет. Эксперты отмечают, что таковыми на острове могут быть индустрия туризма и торговля. Но ни то, ни другое реально не развито. Поэтому на вопрос о том, какие отрасли в районе являются высокодоходными, подавляющее большинство отвечает отрицательно.

Напротив, убыточными отраслями называются все, в том числе и агаровое производство. Посёлок является одной большой бюджетной организацией, где объём государственного содержания очень высок. Только в 1994 бюджет района составил около 13 миллиардов рублей, т. е. по меньшей мере по 9 миллионов рублей. пришлось на каждого жителя. Объём колоссальный: по этим временам на такие деньги на материке, в Кеми или в Архангельской области можно было купить 2–3 дома.

Однако так было далеко не всегда на островах. К концу длительного монастырского периода, к 1922 г. на Соловках было 28 различных видов производства: лесозаготовки, торфоразработки, лов рыбы и морского зверя в промысленных масштабах, кирпичный, кожевенный, механический, гончарный, смолокурный, известковый, салотопенный заводы, строились дороги, имелось развитое молочно-мясное животноводство, другое сельскохозяйственное производство.

В 1923–25 гг., после неудачного опыта комсомольского колхозного хозяйствования, осталось уже 14 производств. В 1928–31 гг., во времена СЛОНа, сохранилось только 9 производств, причём 6 из них — это различные виды лесозаготовок и строительства, а остальные три — портовые погрузочно-разгрузочные работы, рыбный промысел и мастерская ширпотреба.

Наконец, после 1932–33 гг. остались только три вида производства: рыбный промысел, переработка рыбы и ширпотреб. Лесозаготовки были перенесены в Свирский и Беломоро-Балтийский исправительно-трудовые лагеря.

К началу 1990-х годов на островах, по-видимому, существовали только агаровый завод и дорожно-строительное управление (последнее в виде двух организаций). Наконец, к 1995 году остался доживать последние дни агаровый завод. Он представляет из себя жалкое зрелище промышленно-исторического монстра: оборудование сохраняется то же, что было в середине 60-х годов вывезено с острова Жижгин. Работники — тоже остатки или наследники жижгинского

комбината. Надежд на поддержание сил завода нет никаких, и следует ожидать уже к весне 1996 г. его ликвидации, в случае, если он не получит финансовой поддержки¹⁸.

Таким образом, на Соловках нет никакой хозяйственной деятельности, помимо подсобного хозяйства населения. Это же население поголовно составляет бюджетную организацию, которая потребляет только в качестве зарплаты по крайней мере 3,8 миллиарда рублей в год (при расчёте по уровню 1995 г.). Абсурдность такого способа хозяйствования совершенно очевидна, тем не менее, она поддерживается годами.

Естественно, что это обстоятельство не может не заботить простых людей, которые понимают, что в нынешних условиях ненадежности бюджетного финансирования они становятся заложниками острова, поскольку не смогут найти здесь никакого способа жизнеобеспечения, кроме натурального хозяйства. Но это район рискованного сельскохозяйственного производства, да к тому же сами люди практически совершенно не приспособлены к такой деятельности, не имеют ни опыта, ни навыков. Кроме того, наиболее целесообразная структура хозяйствования предполагает и развитый рыбный промысел, но этот вид деятельности находится под запретом. Так что безвыходность положения жителей посёлка и заставляет их искать прибежища на материке. Тем более, что они, в действительности, не знают условий жизни населения окрестных сёл, черпая информацию исключительно из СМИ.

Какие же отрасли необходимо развивать в районе? По мнению экспертов, это почти исключительно индустрия туризма и сфера ее обслуживания. Однако, почти все хорошо понимают, что развитие туризма зависит от очень крупных и регулярных инвестиций, которые сейчас получить невозможно. Поэтому туризм как перспективная отрасль хозяйства скорее рассматривается в далёкой и туманной перспективе, а не как близкая реальность, способная принести посёлку процветание. Выказываются мнения и о том, что следует восстановить те отрасли сельскохозяйственного производства, которые существовали при монастыре. Особенное значение придается животноводству и рыболовству. Кроме этого, предполагается, что на архипелаге имеется достаточная сырьевая база для промышленной заготовки ягод, грибов. Развитие подсобного хозяйства, особенно картофелеводства и овощеводства, рассматривается некоторыми как самая близкая и реальная поддержка существованию жителей посёлка.

В целом же оценки экспертов относительно перспектив развития хозяйства района весьма пессимистичны. Люди, да и весь административно-хозяйственный аппарат долгое время складывались как обслуживание воинской части или как обслуживающий персонал

¹⁸ Агаровый завод всё ещё продолжает существовать, но теперь в сильно трансформированном виде частного туристическо-фольклорного «предприятия»

музея-заповедника. За долгие годы сформировалась, возвращена соответствующая психология, которую невозможно изменить махом. И даже угроза самому существованию скорее повлечёт за собой бегство жителей из посёлка, нежели стремление изменить способ хозяйствования. Поэтому-то эксперты и оказались в затруднении, когда перед ними был поставлен конкретный вопрос о том, что нужно для развития тех или иных отраслей хозяйства в районе? Многие просто отказались отвечать на него, поскольку это предполагает практическое знание производственной деятельности.

Такой же точно была реакция и на вопрос о том, что необходимо для стабилизации и развития экономики района? Обычный ответ о стабильном бюджетном финансировании воспринимается шуткой (если не знать, что люди думают так всерьёз, поскольку с иными вариантами решения проблем они не знакомы).

Конечно, нынешняя ситуация воспринимается ими как катастрофическая, и они весьма пессимистичны в оценках того срока, который будет необходим для восстановления на прежнем уровне финансирования и, возможно, привычных для них организационных форм хозяйственной деятельности. На вопрос о том, сколько времени потребуется экономике для преодоления последствий развала организационных форм местной экономики, ответы, в среднем, склонялись к значениям в 8–13 лет (при разбросе отдельных ответов от двух до 50 лет).

Пессимистичность оценок социально-экономической ситуации в районе, характерная для большинства руководителей (а опрошены были практически все руководители учреждений и предприятий), свидетельствует о крайне низкой вероятности того, что в самом посёлке могут быть найдены и организованы силы для решения своих собственных проблем. Вдвойне здесь срабатывает психология кукушонка: люди, в том числе — и особенно — администраторы, руководители, совершенно привыкли существовать за счет бюджета, они не только не хотят, но и не умеют быть предприимчивыми и самостоятельными. Следовательно, ожидать активности здесь невозможно. Люди, а впереди них руководители самого разного ранга, будут до последнего ждать помощи извне, надеяться на бюджетное финансирование учреждений, большинство из которых существуют только ради того, чтобы существовать.

Деловая активность населения

Оценки потенциала населения в сфере частного предпринимательства разнообразны. Одни полагают, что очень малая доля способна и может организовать собственный бизнес и осуществлять его в местных условиях. Другие считают, что таких людей в посёлке практически нет,

а если и есть, то местные условия совершенно неблагоприятны для предпринимательской деятельности, за исключением разве что торговли алкоголем.

При оценке, в какой мере местное население способно будет включиться в сферу туристического бизнеса, как наиболее вероятного и перспективного дела для Соловков, мнения экспертов далеко не однозначны. Некоторые полагают, что в случае получения государственных дотаций на развитие инфраструктуры для туризма, значительная часть населения может включиться в сферу обслуживания, достаточно эффективно его обеспечивая (оценки от 1/10 до 1/2 активного населения). Полярная точка зрения, высказываемая примерно с равной частотой, заключается в том, что для развития на Соловках туристического бизнеса должно быть завезено новое население, поскольку местное совершенно не способно к такой деятельности. Даже делать ставку на молодёжь посёлка нельзя.

Индивидуальная деловая активность жителей с течением времени возрастает, и эксперты это отмечают и для Соловков. На вопрос о том, в каких сферах получила развитие предпринимательская активность жителей, эксперты ответили, что это преимущественно торговля спиртными напитками; ещё только заготовки и сбыт дикоросов и рыбный промысел имеют значение.

Туризм и сфера обслуживания

От туризма зависит и транспорт на Соловках. Резкое падение интенсивности туризма в 1992–95 гг. были одной из важнейших причин падения уровня жизни населения. Благодаря существованию музея-заповедника и снятию пограничного режима, туризм на Соловках развивался быстрыми темпами. К 1990 г. численность туристов возросла до 16 000 человек. Но в 1992 г. она резко упала почти в 15 раз — острова посетили всего 1100 человек. Рост числа туристов после этого практически не происходит. В 1994–95 гг. их было всего 1500–1600 человек. Нельзя прогнозировать значительного увеличения численности туристов и в 1996 г. Этому препятствует и неблагоприятная экономическая ситуация, которая не позволяет большинству российских граждан совершать столь дальние и дорогие поездки, какие требуются для посещения Соловков, и временная культурно-познавательная переориентация населения на западные страны, тем более что стоимость поездки за границу сопоставима со стоимостью поездки на Русский Север.

Туризм и туристический бизнес на островах сейчас практически свёрнут. Судами из Архангельска туристы прибывают всего 1–2 раза в неделю, а к осени и ещё реже. Вообще туризм на архипелаге возможен

только в течение 4–5 летних месяцев. Остальное время года добраться сюда можно только самолетом, следовательно, массовый туризм зимой прекращается.

Сезонность туристической активности является одной из важнейших причин неразвитости частного бизнеса в этой сфере. Для того, чтобы частный бизнес был в этом случае жизнеспособен, он должен иметь и другую, прямо совершенно не связанную с туризмом сферу приложения активности. Но найти такую сферу на Соловках непросто. Нет производства, не развита инфраструктура, следовательно, доход может приносить почти исключительно торговля продуктами питания и алкоголем.

В настоящее время в посёлке существует только три семейные фирмы, занятые обслуживанием туристов. Их деятельность не ограничивается только содержанием гостиниц, но включает в себя и обслуживание на маршрутах, экскурсии. Однако, в этом им существенную конкуренцию составляют наёмные частные перевозчики, готовые за небольшую плату доставить туристов в любую точку архипелага.

Частное предпринимательство, кроме сферы туризма, развито только в торговле и питании (в посёлке 2–3 магазина и один бар). Так что развитие этого вида деятельности находится в самом зачаточном состоянии, а потому приобрело уродливые антисоциальные формы.

Имеющиеся производственно-торговые фирмы были вынуждены переместить свои капиталы на материк, прежде всего в Архангельск, а на островах сохранили минимум с тем, чтобы сохранить возможность быстрого развёртывания дела.

Отношение людей к собственности

На Соловках весьма неопределённые представления о праве собственности на землю и угодья. Если во многих сельских районах страны этот вопрос стал актуальным, поскольку его решение влияет на уровень жизни и уверенность в будущем людей, то в посёлке он дискутируется мало или вообще не обсуждается, поскольку жители его всё ещё кормятся преимущественно с зарплаты. Вообще многие затруднялись ответить что-то определённое на вопросы о распределении угодий, о собственности на них. У меня сложилось совершенное впечатление, что люди вовсе не задумываются ещё над этими вопросами. Оказалось, что женщины выступают за исключительно государственную собственность на все угодья, а мужчины — за собственность монастыря на угодья. Для ясного и чёткого отношения к собственности на Соловках не пришло ещё время.

Проблема местного самоуправления

Проблема развития реального местного самоуправления, уже острая и обсуждаемая населением на «материке», поскольку люди увидели в нём способ решения местных социально-экономических проблем, для Соловков оказалась не актуальной. Необходимость в нём полагают лишь 1/3 опрошенных жителей. Но никто не указал, что в посёлке уже есть местное самоуправление, и даже отметили, что для этого нет и объективных потребностей. При этом люди считают, что местное самоуправление и местная администрация — разные властные институты (по закону, как известно, они тождественны).

Оценка деятельности администрации района

Обнаружилось практически полное единодушие жителей в оценке деятельности поселковой администрации. Она крайне нелицеприятна. Люди считают, что эффективность администрации близка к нулевой. Единственное, в чём она преуспела, — это преследование сотрудниками собственных интересов. Недовольство людей совершенно однозначно. Его не разделяют только сами служащие районной администрации.

Это, конечно, тревожный симптом с точки зрения перспектив удержаться у власти данной управленческой команды. Но, по большому счету, важны не эти перспективы, а сама по себе эффективность деятельности администрации, кем бы ни была она представлена. По-видимому, люди очень мало надежд возлагают на любую по персональному составу администрацию. Мало веры в то, что в нынешних условиях другие избранные люди примутся решать многочисленные проблемы и смогут это сделать.

Отношение к музею

Музей, появившийся на острове в 1967 г., с самого начала стал заявлять на острова права хозяина, которые особенно возросли после 1974 г. и в 80-е годы. Такая политика исходила от его директора. С точки зрения жителей посёлка, это политика непрошеного гостя. Музей долго чувствовал себя хозяином на острове, вплоть до возвращения сюда монастыря.

Поэтому отношение людей к музею-хозяину во многом негативное. Музей, как говорят здесь, не любят. Хотя местные и работают тут в качестве технического персонала, но явно противопоставляют

себя персоналу собственно музейных работников («работаем-то мы, а они только бумажки перекладывают»). Утверждают также, что никто из местных жителей никогда не участвовал в реставрационной работе музея.

Одна из главных причин вообще негативного отношения населения к музею высказывается часто: «Музей выселил с острова военных, а при военных было хорошо». Действительно, поскольку многие жители поселка составляли обслуживающий персонал воинской части, они имели много социально-бытовых преимуществ от соседства с ней. Более того, культурная жизнь (на уровне танцев и клуба) была ключом на острове. До сих пор люди вспоминают об этом с сожалением. Интеллигенция же утверждает, что присутствие музея облагораживает посёлок. Но это мнение совершенно не разделяется простыми людьми, которые считают музейных работников отгородившимися от них. Сегрегация взаимна.

Есть и другая, не менее важная причина негативного отношения к музею: его руководство добилось установления статуса заповедности для архипелага, и это автоматически превратило всё местное население в браконьеров. Большинство жителей продолжают заниматься рыбалкой, сбором дикоросов, иногда охотой, другими видами хозяйственной деятельности в лесу и на море (дрова и водоросли), но их хозяйственная деятельность теперь протекает уже под знаком нарушения закона.

Сами научные сотрудники музея, историки и экологи, своим поведением много вредят отношению людей к нему. Установки городских жителей, с которыми живёт здесь интеллигенция, имеющая тылы в виде квартир в столицах, чужды простым людям, тем более что многие из них очень хотели бы уехать, но некуда и нет средств. Это копит затаенную обиду на пришлую интеллигенцию.

Глухое и постоянное недовольство присутствием музея выражается внешне в нареканиях, в которых музей обвиняется в качестве одной из причин материального неблагополучия: деньги, которые должны бы идти на развитие посёлка, отправляются в музей на реставрацию «камешков».

Негативное отношение к музею нашло в последние годы удовлетворение людей в том, что музей уступает свои права на остров монастырю. Незванный хозяин, лишивший их немалого числа социальных благ, уступает место старому хозяину — церкви, которая, по крайней мере не должна мешать жизни людей и перенимать те крохи благ, которые надеются получить люди.

Отношение к монастырю

К монастырю отношение иное, расположительное, хотя и двойственное. С одной стороны, монастырь воспринимается как законный хозяин островов, призванный восстановить и наладить здесь нормальную жизнь (замечательно, что люди испытывают определённые надежды в отношении монастыря, утратив их в отношении руководства района и области: они ожидают, что монастырь как добрый покровитель принесёт им те блага, которых они лишились в недавнее время).

С другой стороны, отношение к монастырю опасливое. Ожидается, что всё мирское население островов может быть выселено. Для одних это опасение благоприятное — они и сами хотели бы уехать, для других — тревожащее, поскольку они связали свою жизнь с Соловками, собираются навсегда оставаться здесь.

Поскольку же монастырь проводит осторожную и неторопливую политику, не затрагивающую интересы людей, в нём видят хорошего будущего хозяина островов и посёлка, чего не видят или видят очень мало в лице районной администрации. Между тем, с ним не связываются какие-то конкретные ожидания. Монастырь удовлетворяет стремлению людей видеть благоприятные перспективы будущей жизни. А реальные перспективы далеко не оптимистичны.

Я выполнил предварительное и очень схематичное описание проблем социальной жизни простых людей, современных насельников Соловков. Но уже приведенные данные позволяют говорить, что перспективы маленькой соловецкой общины совершенно неопределённые. Никто сейчас не может сказать, что будет с соловецкими жителями в скором времени: останутся ли они на архипелаге в качестве трудового ресурса, предназначенного развивать сферу туристического бизнеса, или в качестве работников при монастыре, а может быть им придётся покинуть остров и искать новой судьбы на материке.

Это значит: люди живут без будущего. А без будущего живут только заложники. В данном случае заложники истории.

Благодарности

Выражаю признательность моим коллегам — В. П. Столярову, инициировавшему в своё время это исследование и помогшему уточнить целый ряд фактов Соловецкой истории 90-х годов и исправить допущенные мной огрехи, и проф. САФУ В. Н. Матонину, уделившему время и дружеское внимание автору в его труде.

Juri Plusnin

Isolated local society in Solovky: a view from 1995

Plusnin Juri — Dr. in Philosophy, PhD in Biology, professor, National Research University — Higher School of Economics. **Address:** Moscow, Myasnitskaya Ulitsa, 20. **E-mail:** jplusnin@hse.ru.

Annotation: The article contains two plans — methodological and analytical — and consists of two parts — a field diary and an empirical description of the socio-economic situation in an isolated northern community in the mid-1990s. At that time, it was the first sociological description of the Solovetsky local society and was of intelligence, pilot character. A number of identified problems of local society continue to remain unresolved even after a third of a century. The author's forecasts of the economic development of Solovki turned out to be mostly incorrect. On the contrary, the socio-political forecasts have been completely fulfilled.

Key words: Solovetsky Archipelago; Solovki; Solovetsky settlement; 1990s; local society; isolated community; rural sociology; methodology of sociological research.